

ПЕРЕВОРОТ. РЕТРОСПЕКТИВА

Говорят, что друзья познаются в беде. Во время партийного путча меня ("почему-то") вспомнили все мои заморские приятели.

Интересовались: как, что и почему? А после 21-го августа дружно наведались в "революционную" Москву. Деловито собирать сытый урожай победных теле- и печатных материалов.

Мой старинный (нас познакомил в свое время Ю.Семенов) дружок из популярного парижского еженедельника "В.С.Д." ("Пятница - Суббота - Воскресенье") Франсуа Моро объявился одним из первых.

"Наивный" француз привез небольшой, но увесистый список людей, с которыми его далекий галльский босс желал отметить стремительные интервью. Губа не дура. После удачных (в значительной степени случайных)

встреч с А.Яковлевым, Э.Шеварднадзе, Е.Боннэр, Т.Гдяньм и О.Калугиным на той мятой шпаргалке остались всего лишь две фамилии. Всего.

Встретиться с М.Горбачевым и Б.Ельциным можно было, пожалуй, лишь на ТВ-экранах (в те-то дни тем более). Я так и сказал. И еще добавил: "Передай своему шефу, что он..." И так далее. (Наверняка не передал. Он и гонорары-то забывает передавать, не то, что слова).

Однако господин Моро с ненавистной буржуазной настойчивостью нудно меня плил: "Для того, чтобы сносно закончить наш репортаж о вашем забавном перевороте, нужен кто-нибудь из этих двух". Постарайся, мол, сильвупле, а то публикация, дескать, не вытянет на нужный западный уровень.

Пришлось убедить француза: лучше встретиться с одним человеком. Тем, чей суммарный рейтинг как раз равен двум президентским.

"Говорухин? Кто такой?" - недоумевал непросвещенный меесь. Я предложил просто выйти на улицу и любого прохожего спросить: кого больше любят - Михал-Сергеича, Борис-Николаича или Станислав-Сергеича. Режиссер как раз посредине окажется, наседад я.(Ведь так оно и есть! Хотя Говорухин в отличие от политиков только фильмы ставит...).

Убедил. Звоню. "Я уже так много интервью за эти дал", - слегка утомленно (Но очень, очень по-мужски, как и положено) кокетничает Суперрежиссер Эпохи Перестроеч. Так ведь, наглюю, все от

уровня исполнения зависит. Совсем уже отбросив (подточенную нервными годами изнурительного репортерства) скромность, тихонечко почти хамлю. "Ведь фильмы тоже разные режиссеры снимают. И много. А то, что "так жить нельзя", все поняли только после вашей картины.

Ладно, якобы сдается Режиссер. Когда?

А вы где теперь живете, уточняю. Улица Академика Пилюгина? Так мы через полчаса у вас будем.

Предвезжаем. Где эта улица, где этот дом? Чтобы продемонстрировать западным коллегам крутизну выбранного мной объекта интервью, прошу водителя притормозить. (В предосенней темноте сырого вечера номера домов совершенно не видны. Вечный комендатский час Советской, понимаешь, власти. "Плюс электрофикация всей колочей проволоки...") "Милая, где здесь Говорухин живет?" - осведомляюсь я у девочки (возраста и привлекательности набоковской Лолиты), томно выгуливавшей собаку, комплекцией своей напоминающую древний род Баскервиллей. "А вот этот дом: за заборчиком", - строит глазки обладательница злобного пса. Я рассчитал верно. Все собачники в округе друг друга, как правило, знают. А у Говорухина симпатичнейший бассет Антип. Французы, похоже, впечатлены...

Воспроизвожу фрагмент из интервью, напечатанного французским изданием. На языке оригинала, с диктофонной ленты. - Но это же безумие: все они оказались засранцами! Я не могу сказать преступники - застарцы! Что с ними делать? Убийцы и

садисты всего мира приветствовали этот переворот! Реакцию Хусейна можно было понять, и уже это свидетельствует о том, что дело проиграно! Я много раз говорил: очевидно, в Советском Союзе распад КПСС выльется в то, что она будет объявлена вне закона. Я, конечно, не предполагал, что это случится так быстро. Она, партия, самораспустилась. Ее нет сейчас. Побегут пулей оттуда все. И дай Бог, чтобы ее не объявили вне закона, как это сделали латыши и еще кто-то, потому что, мне кажется, это уже перебор. Сейчас надо быть великодушным в такой ситуации.

А вы не боитесь, что со временем, через год-два, когда народ увидит, что колбасы больше в магазинах не стало... вы поняли вопрос?

Конечно. И - боюсь! Поэтому и сказал, что это самые страшные враги остались. И против этого, против народного бунта никакие толпы москвичей не помогут, как ты понимаешь. И тут уж никто не спасет. Это вам не армия, не КГБ. Народ сомнет.

Вы уверены в новых лидерах? В тех людях, которые сейчас придут к власти? В ельцинской, условно говоря, команде? Они способны вытянуть страну? Не пора ли нам все-таки варягов звать?

Ельцин, я его обожаю, всегда слежу... С самого начала, с 1987 года, с октябрьского пленума. Но, тем не менее, я не верю в Ельцина. Отдав за него голос и призвав других голосовать за него, я все-таки говорю, что я в него не верю. Потому что как талантливый полководец ничего не может сделать без армии, так талантливый государственный деятель ничего не

может сделать без государства. Но государства у Ельцина не было. А сейчас оно есть, т.е. есть независимая по сути Россия. Ельцин, я считаю - талантливейший государственный деятель. Я полон надежд, что он справится с этими трудностями, не ударится в эйфорию, не будет тратить свою нервную энергию на наказание виновных.

Вы с ним встречались когда-нибудь лично?

Несколько раз. Но так вот: "Здравствуйте, Борис Николаевич, у вас вот хочу взять интервью (Так же, как ты, например). После: "Борис Николаевич, вы собираетесь посмотреть картину "Так жить нельзя"? "Да, да, я вот-вот посмотрю". "Нельзя же так, Борис Николаевич, ну как не стыдно, вы же один остались уже. Я ведь для вас делал, можно сказать, а вы даже не посмотрели". Все наши встречи этим и заканчивались.

Что это за надпись вы там на указе Ельцина от 19 августа? "Гале от мужа Гали от имени Гали и от моего. С любовью, Слава. 22.VIII.91".

Это Мстислав Ростропович моей Галине на прощание написал. (Он ведь женат на Гале тоже, Вишневской). Я встретил его в коридорах Белого дома. Оказалось (он мне так сказал), прехал погибнуть. Был абсолютно в этом убежден. Погибнуть, высоким стилем выражаясь, за Россию. Он всю ночь в Париже составлял завещание. Все распоряжение отдал: "Шнитке вернуть 200 тысяч марок", "у нас с ним договор..." Только после этого он улетел в Москву. Андрон Кончаловский давал интервью в Шереметьево перед отлетом, числа 20-го. Говорил: "Я боюсь. Я боюсь." У меня вызывает уважение его искренность. Тем более, это мой любимый режиссер. Но как он отличается от Ростроповича! Тот не боится. (Тот, наверное, тоже боится, но преодолеть страх смерти - это и есть мужество).

Евгений Ю. ДОДОЛЕВ